

Как поступит
настоящий деловой человек,
узнав о том, что скоро умрет?
Составит подробный бизнес-план
последних месяцев своей жизни

В погоне за ускользающим светом

Как грядущая смерть
изменила мою жизнь

Юджин О'Келли

ДОБРАЯ КНИГА

Юджин О'Келли

**В погоне за ускользающим
светом. Как грядущая
смерть изменила мою жизнь**

«Добрая книга»

2006

УДК 111.82-94

О'Келли Ю.

В погоне за ускользающим светом. Как грядущая смерть изменила мою жизнь / Ю. О'Келли — «Добрая книга», 2006

ISBN 978-5-98124-715-6

Юджин О'Келли, 53-летний руководитель североамериканского отделения KPMG, одной из крупнейших аудиторских компаний мира, был счастливчиком: блестящая карьера, замечательная семья, успех и достаток. День 24 мая 2005 года стал для него переломным: неожиданно обнаруженный рак мозга в терминальной стадии сократил перспективы его жизни до трех месяцев. Шесть дней спустя Юджин начал новую жизнь, которую многие годы откладывал на будущее. Он спланировал ее так, как и подобает топ-менеджеру его ранга: провел аудит прошлого, пересмотрел приоритеты, выполнил полный реинжиниринг жизненных бизнес-процессов и разработал подробный бизнес-план с учетом новых горизонтов планирования с целью сделать последние дни лучшими в жизни. «В погоне за ускользающим светом» — дневник мучительного расставания успешного и незаурядного человека с горячо любимым миром; вдохновенная, страстная и бесконечно мудрая книга о поиске смысла жизни и обращении к истинным ценностям перед лицом близкой смерти.

УДК 111.82-94

ISBN 978-5-98124-715-6

© О'Келли Ю., 2006
© Добрая книга, 2006

Содержание

Дар	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юджин О'Келли

В погоне за ускользающим светом. Как грядущая смерть изменила мою жизнь

© Eugene O'Kelly, 2006.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2007–2018 – перевод на русский язык, оформление.

* * *

*Посвящается Марианне и Джине, величайшему дару моей жизни
Посвящается Коринне, моей спутнице в этой жизни, моему
проводнику в приближающееся завтра*

Через окно гостиной мы смотрели, как с баржи Масу's запускают фейерверки над Ист-Ривер. Ровно год назад, в 2004-м, я видел их вблизи – меня пригласили на борт Highlander, яхты Форбсов. В то время, впрочем, как и прежде, я понятия не имел, что принесет следующий год.

Но я неточно выразился: фейерверки я не «смотрел». Вечер 4 июля 2005 года оставил отнюдь не зрительные впечатления – по крайней мере, у меня. Да, у меня ухудшилось зрение, пропала резкость, перед глазами появились пятна, что, естественно, подпортило великолепие зрелища – взрывающихся огненных шаров, которые рассыпались снопами искр в небе за окном нашей квартиры. Но даже будь эта картина отчетливой, в первую очередь меня потряс бы звук. Эхо залпов металось среди небоскребов, грохотало в каньонах манхэттенских авеню, громopodobный рокот пронизывал мое тело и мой город. Этот звук был прекрасен, он дарил зрение. Ни за что бы не подумал, что самое лучшее в фейерверках вовсе не буйство красок.

Жизнь полна сюрпризов.

*Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не
есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто
знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это
позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь?*
Сократ

Дар

Мне повезло. Я узнал, что мне осталось жить три месяца. Увидев рядом эти две фразы, можно подумать, что я шучу. Или спятил. Или моя жизнь настолько никчемна и безрадостна, что чем скорее она кончится, тем лучше.

А вот и нет. Мне нравилось, как я живу. Я обожаю свою семью. С удовольствием общался с друзьями, делал карьеру, участвовал в работе благотворительных организаций, играл в гольф. Я в своем уме и совершенно серьезно заявляю: приговор, вынесенный в последнюю неделю мая 2005 года и означавший, что до первой недели сентября, когда моя дочь Джина пойдет в восьмой класс, я вряд ли доживу, оказался подарком судьбы. Честное слово.

Ведь именно он заставил меня всерьез задуматься о собственной смерти, а значит, и о жизни – глубже, чем когда-либо прежде. Как ни досадно было, пришлось признать, что я вступил в завершающий этап жизни, решать, как провести последние сто дней плюс – минус несколько недель, и впредь придерживаться принятых решений.

Короче говоря, я задал себе два вопроса: *должно ли завершение жизни быть худшим из ее этапов? Можно ли сделать этот процесс конструктивным и даже лучшим во всей жизни?*

«Нет» и «да» – вот как я ответил на них. Это в моих силах – приблизиться к концу, оставаясь в здравом уме (в основном), сохраняя физическую форму (насколько это возможно), в кругу близких людей.

Я же сказал: мне повезло.

Как правило, мысли о своей смерти мы гоним прочь. И я старался не думать о ней, пока в этом не было нужды. Мысли о смерти внушают нам смутную и глубокую тревогу, но раскладывая по полочкам предстоящие дела, дабы извлечь всю пользу из оставшихся дней, а затем строго придерживаться планов ради собственного блага и блага близких, несвойственно даже умирающим, а тем более крепким и здоровым людям. Некоторые не успевают подумать о кончине потому, что умирают преждевременно и скоропостижно. Из тех немногих, кого постигает такая участь – например, в автоаварии, – далеко не все даже осознают, что они смертны. Моя же смерть, хоть и преждевременная, так как диагноз я узнал в 53 года, не внезапна (по крайней мере, нельзя назвать ее внезапной через две недели после того, как до меня дошел смысл этих слов): мне без обиняков сообщили, что свой последний день на земле я проживу в 2005 году.

Кое-кто не думает о том, как извлечь максимум пользы из завершающего этапа жизни, еще по одной причине: к тому моменту, как впереди отчетливо покажется финишная черта, эти люди физически и психически уже не в состоянии прожить последние дни так, как могли бы. В первую очередь их заботит избавление от боли.

В отличие от меня. Таких мучений на мою долю не выпало. За несколько недель до диагноза, еще не заметив, что со мной творится нечто непривычное, я совсем не испытывал боли, ровным счетом никакой. Позднее мне объяснили, что и кончится все безболезненно. На мой разум лягут тени, потом удлинятся, как на поле для гольфа ближе к вечеру – таинственное, мое самое излюбленное время для игры. Угаснет свет. Высмотреть лунку, предмет моего пристального внимания, будет все труднее. В конце концов забудется даже ее название. Померкнет сознание, на смену ему явится кома. Наступит ночь. И я умру.

Поскольку мое умирание отличали такие обстоятельства, как относительная молодость, возможность до конца оставаться в здравом уме и в целом сохранить физическую форму, отсутствие ежедневных приступов боли, общество близких людей в расцвете сил, я решил прожить последние сто дней, не упуская ни единой минуты, глядя на мир широко раскрытыми глазами. Несмотря на ухудшающееся зрение.

Ах, да: был еще один фактор, вероятно, в первую очередь обусловивший мой подход к кончине, – мое мышление. То, как я думал. Поначалу в роли аудитора, потом – инициатив-

ного бизнесмена и, наконец, – главы крупной американской компании. К работе, обязанностям и достижениям я привык относиться серьезно, последовательно и ответственно, и все это настолько помогло мне в жизни, что я просто не мог *не* применить все эти качества, выполняя свою последнюю задачу. Преуспевающий руководитель в любых обстоятельствах мыслит стратегически и всегда нацелен на победу – так и меня привычки побуждали в последние сто дней жизни действовать с максимальной методичностью. Набор навыков, свойственных управленцам (умение видеть не только детали, но и целое, справляться с разнообразными задачами, строить планы на случай непредвиденных обстоятельств и т. д.), пригодился мне и при подготовке к смерти. (Да, и еще одно: события заключительных дней жизни преподавали мне уроки, которые помогли бы мне как руководителю и как человеку, узнай я их раньше.) Применяя систематический подход к своему последнему проекту, я надеялся, что он не оставит тягостных воспоминаний у тех, кто окружает меня, а сам я проживу три лучших месяца в жизни.

* * *

А если бы мне не сказали про последние сто дней? Чем бы я тогда занялся?

Мне удивительно повезло.

Обдумывал очередную деловую поездку, скорее всего в Азию. Искал способы привлечения новых клиентов и одновременно планировал оказание услуг уже имеющимся. Формулировал инициативы на ближайшие полгода, год, пять лет. Список дел у меня всегда был составлен на 12–18 месяцев – к этому призывала работа. По должности мне было положено непрестанно думать о будущем. О том, как воспользоваться успехами фирмы. Как поддерживать на должном уровне качество предоставляемых услуг. Да, формально я существовал в настоящем, но мой взгляд был прикован к ускользающей точке будущего, которая представлялась мне более важной. (Прежде чем я узнал диагноз, перед сном я думал обычно о событиях, которых оставалось ждать от одного до шести месяцев. Когда же диагноз был поставлен, стал думать... о завтрашнем дне.) В 2002 году меня избрали председателем совета директоров и руководителем американского отделения KPMG сроком на шесть лет. Но если бы все прошло по плану, в 2006 году я мог бы возглавить организацию в целом и занимать этот пост четыре года. А в 2010 году? Наверное, ушел бы на пенсию.

Я не из тех, кто строит догадки, – для этого у меня слишком прямолинейное мышление, – но представим на минуту, что никакого смертного приговора нет. Разве плохо было бы и впредь планировать, наращивать, руководить, поднимать пыль? И да, и нет. «Да» – потому что я не прочь своими глазами увидеть, как моя дочь Джина кончит школу и колледж, выйдет замуж, обзаведется детьми, скорректирует планы на будущее, в каком бы порядке это ни произошло. Провести следующий сочельник, канун дня рождения моей старшей дочери Марианны, в поисках еще не купленных подарков, подкрепляться на бегу, болтать и смеяться, как бывало каждый год в этот день. Путешествовать и играть в гольф с моей женой Коринной, «девушкой моей мечты», с которой я прожил 27 лет, а после выхода на пенсию поселиться вместе с ней в Аризоне, о чем мы давно мечтали и заранее все продумали. Увидеть, как моя компания, в которой я проработал больше тридцати лет, с тех пор как окончил школу бизнеса, становится новым образцом качества и успеха. Стать очевидцем одной или даже трех побед нью-йоркской команды «Янки» на чемпионате по бейсболу. Побывать на Олимпиаде 2008 года в Пекине. Видеть, как растут мои внуки.

Но есть и другой ответ. «Нет» – потому что, если бы не сложившаяся ситуация, я остался бы на том же уровне сознания, что и в первые 53 года жизни. А теперь, когда я настолько обогатился, я и представить себе не могу возврат к прежнему образу мышления. Утратив нечто ценное, я в то же время приобрел кое-что другое, не менее ценное.

Еще совсем недавно весь мир лежал у моих ног. С высоты моего положения открывался редкостный для американского бизнеса вид, благодаря взгляду сверху я мог оценить внутреннюю работу самых элитных и преуспевающих компаний мира в любой отрасли, убедиться, что ими управляют незаурядные личности. Я отчетливо видел, что происходит вокруг. Мне удавалось довольно точно предсказывать пути экономического развития на ближайшее будущее. Порой я чувствовал себя могучим орлом на горной вершине – и не потому, что был неуязвим, просто сверху я видел картину в целом.

И вдруг оказалось, что я сижу не на вершине, а на жестком металлическом стуле напротив врача, сочувственное выражение лица которого способно насторожить не только меня, но и кого угодно.

Его глаза говорили: вы скоро умрете. Кончалась весна. Моя последняя осень в Нью-Йорке осталась позади.

Все планы, которые я строил как глава компании, вмиг рухнули – по крайней мере, так мне в то время показалось. Я считал, что благодаря моей дальновидности фирма многого добилась, но теперь ее предстояло возглавить кому-нибудь другому. Будущее, о котором мечтали мы с Коринной, стало недостижимым. Как ни прискорбно, главная причина, по которой мы долгие годы жертвовали общением, и я колесил по свету и трудился не покладая рук, а именно надежда на счастливую и безбедную жизнь вдвоем после моего выхода на пенсию, оказалась пустым обещанием, только мы раньше об этом не знали. Я даже хранил в бумажнике снимок райского уголка, где мы собирались поселиться, – Стоун-Кэньон, Аризона, – но теперь о нем можно было забыть. Как и о моих личных целях на 2006, 2007 и все последующие годы.

Я всегда был целеустремленным человеком. Как и Коринна. На протяжении всей совместной жизни мы ставили перед собой долгосрочные цели, а затем упорно стремились к ним. Иными словами, мы выстраивали цепочки мелких промежуточных целей, которые вели к большим и отдаленным. А когда обстоятельства менялись, что происходило постоянно, мы пересматривали краткосрочные и долгосрочные цели и вносили поправки в свои планы, увеличивая вероятность достижения желаемого результата. Цели на ближайшую неделю, к которым я стремился, пока не наткнулся на сочувственный взгляд врача, оказались недостижимыми. Чем раньше меня перестанут тяготить прежние планы на уже завершившуюся жизнь, тем лучше.

Мне требовалось поставить перед собой новые цели. И побыстрее.

Всю жизнь мне приносила пользу способность противостоять реальности. Помнится, сорок лет назад противостояние было не столь масштабным, но оставило глубокий след. Я вырос в Бейсайде – обособленном, не похожем на остальной Нью-Йорк «спальном районе» Куинса. В детстве я обожал бейсбол, постоянно играл в него и был питчером школьной команды. Мне казалось, что играю я неплохо. Однажды, когда базы уже были заняты, силы практически равны, а я последней дополнительной подачей спас команду, про меня даже написали в местной газете. Я считал, что это еще не предел моих возможностей.

Когда мне было четырнадцать, мама, которая годами наблюдала, как я занимаюсь спортом, сказала, что важно отличать страстное увлечение от таланта.

– Ты о чем? – не понял я.

– Даже если ты страстно мечтаешь стать великим бейсболистом, это еще не значит, что у тебя есть талант.

Мне понадобилось почти все лето, чтобы свыкнуться с тем, что сказала мама, желая мне только добра. Она хотела, чтобы я сохранил увлечение бейсболом, но вместе с тем следовал пути, на котором мог бы раскрыться мой истинный талант. Я не бросил бейсбол, не перестал быть болельщиком, но в конце концов понял, что мама права. На первом курсе я попытался пробиться в команду университета Пенсильвании, но не попал даже во второй состав. Даже моему брату, который способнее меня, не удалось подняться выше известной ступени.

Нравилось мне это или нет, такова была реальность. И я приспособился к ней. Чем старше я становился, тем быстрее приспосабливался. Я развивал в себе способность к почти мгновенным и кардинальным изменениям. То, что уже отслужило свое, я оставлял в прошлом, не испытывая душевных мук. Я никогда не оглядывался и не сворачивал с выбранного пути. Мне казалось, бессмысленно цепляться за то, что некогда имело смысл, а потом утратило его, держаться за прошлое, каким бы неприятным оно ни стало. Чем быстрее отделаешься от него, тем лучше. Особенно полезным этот навык был в бизнесе – отдельном мире, не менее стремительном и беспощадном, чем большой.

В первые же несколько дней после рокового визита к врачу я сообразил, что отныне у меня свой ход времени. *Таково положение дел*, был вынужден признать я. Осталось только выбрать цели, достижимые в моих нынешних временных рамках.

К счастью, поскольку я строил карьеру, к которой имел талант (и в конечном итоге, страсть), то мог с помощью своих знаний и умений воспользоваться преимуществами новой отрезвляющей реальности. Только теперь вместо того, чтобы решать, как оперативно перестроить работу компании в соответствии с новыми условиями рынка, требовалось выяснить, что нужно мне, чтобы приспособиться к новым условиям жизни. Благодаря опыту и взглядам у меня был потенциал, я мог провести эндшпиль лучше, чем многие, и считал этот шанс даром судьбы.

Ключевое слово в предыдущем предложении – не *дар* или *шанс*. А *потенциал*. Превращение этого потенциала в истинный дар, который никто не сможет отнять у меня, моих близких и друзей, должно было стать главным подвигом моей жизни.

* * *

Наверное, во все это нелегко поверить. Понимаю.

В конце концов, кто так встречает смерть? Разве кому-нибудь, пусть даже аудитору, под силу сделать смерть *сносной*? Можно ли *не* отчаяться? *Не* увязнуть в трясине отрицания и нескончаемой, пусть и тщетной, погоне за чудом?

И правда, можно ли применить к смерти конструктивный подход, как к любому другому этапу жизни? Воспринять ее если не с надеждой, то хотя бы с радостью? Нет ли здесь неявного противоречия? И самое невероятное: как, черт возьми, можно вообще превратить этот страшный период в самый лучший в жизни?

Большинство людей не выносят даже мысли о призраке смерти, который маячит впереди. Не желают тратить на размышления о ней ни единой минуты. Будь их воля, они навсегда забыли бы о смерти, а *если* и подумали бы о ней, то когда-нибудь потом. Гораздо позднее.

Но сам факт моего существования мешал им игнорировать мысли о смерти – преждевременной, непредвиденной. Это было видно по их глазам. Я выглядел гораздо старше своих 53 лет – самое меньшее на 70, а может, на 75. Обвисла правая сторона лица. Казалось, я перенес инсульт, притом скверно. От облучения я вскоре облысел, кожа черепа стала тонкой и сухой, как папиросная бумага. (Дочь Джина говорила, что я похож на Доктора Зло из комедии «Остин Пауэрс», только доброго.) Речь стала неразборчивой, я словно перекачивал во рту стеклянные шарики. Кому-то из коллег показалось, что я вдруг заговорил с массачусетским акцентом. Даже близкие и давние друзья понимали меня далеко не с первого раза. В надежде на чудо меня нередко просили – даже *умоляли* — пройти какой-нибудь радикальный курс лечения. Кое-кого из друзей и коллег почти оскорбляли моя позиция и избранный путь, будто я разоблачал рассказы о чудесах и объявлял недостойной внимания саму веру в них. (*Самой собой*, втайне я продолжал надеяться, что завтра на первой полосе «Нью-Йорк Таймс» появится статья об удивительном открытии медицины, которое обеспечит мне еще пару десятилетий жизни. Но позволить себе тратить на эту надежду хотя бы каплю энергии я не мог.) Почти все, с кем

я встречался, желали мне бессмертия или хотя бы еще нескольких лет жизни. В этом случае безотлагательность того, что я олицетворял, была бы не такой безотлагательной – для них.

Люди готовят надгробные речи о самих себе. И обязательно выбирают участки на кладбище, и четко оговаривают, как распорядиться их телом – зарыть в землю, кремировать, пожертвовать на нужды медицины. Но до того, как я сам приступил к выполнению последних и самых важных задач в своей жизни, я не знал ни единого человека, который попытался бы осознанно управлять собственным умиранием. За это дело я взялся не для того, чтобы служить примером. Просто таким уж я был – методичным, организованным, прямым, основательным. Ну что тут скажешь? Я – аудитор не только по профессии, но и по своей сути. Те же качества, которые позволили мне преуспеть в мире финансов и аудита, превратили меня в человека, которому в любом деле нужен план – даже в смерти.

Я давно уверовал, что и преуспевающий бизнесмен при желании может вести духовную жизнь, и для этого ему вовсе не обязательно все бросать, покидать зал совета директоров и переселяться в ашрам, как будто только физическая удаленность способствует мыслям о возвышенном, в том числе о душе. В своей вере я не усомнился и после того, как узнал свой диагноз. Но вместе с тем я обнаружил глубины, неведомые бизнесменам, узнал, что там стоит побывать, и лучше раньше, чем позже, потому что этот опыт приносит еще больший успех в профессиональной и личной жизни. Можно сказать, что я совершил духовное путешествие, или путешествие души.

И благодаря ему приобрел опыт, который все время был рядом, но тайно, за завесой мирского.

В последние недели жизни я узнал столько нового и удивительного (впрочем, как и ожидал), что счел своим долгом помочь людям понять: у этого жизненного этапа есть свои достоинства, *надо* только подготовиться к встрече с ними. Недели через две после того, как я узнал диагноз, в чудесный денек мы отправились побродить по Центральному парку Нью-Йорка с одним из ближайших друзей – наставником, который готовил меня к последней должности. И я сказал ему:

– Большинству людей и такого шанса не выпадает. Они либо погружены в болезнь, либо понятия не имеют, что скоро умрут. А у меня есть уникальная возможность распланировать последние дни во всех мыслимых подробностях.

Во взгляде собеседника восхищения, пожалуй, было больше, чем удивления, но ручаться не стану.

Еще в бытность свою руководителем компании я разработал программу наставничества с таким расчетом, чтобы у каждого из сотрудников был свой наставник. Позднее, в ожидании смерти, я невольно думал, что и этот опыт налагает на меня обязанность поделиться им. Мне хотелось передать обретенное знание хоть кому-нибудь, пусть даже единственному подопечному. Рассказать, как сводить на нет взаимоотношения. Как радоваться каждой минуте – так, чтобы время будто бы текло медленнее. Поведать о том, что важнее времени (речь не про любовь). О ясности и простоте. О том, как исчезает спонтанность и как необходимо возродить ее. Разве нельзя рассказать об этом людям, пока они здоровы, не дожидаясь смертельной болезни? Звучит дико, но я на собственном опыте убедился: каждый из нас должен уделять время мыслям о смерти и делах последних дней, пока он еще в состоянии обдумывать их.

Меня удивил и даже озадачил вопрос: *если решение о том, как именно мы умрем, является одним из наиважнейших в нашей жизни* (опять-таки в ситуациях, когда мы имеем возможность решать или заранее знаем о приближении смерти), *почему большинство людей пренебрегают этой обязанностью?* И тем самым лишают преимуществ не только себя, но и тех, кого оставляют в этом мире. А тем, кто уже подумывает когда-нибудь выбрать время и распланировать последние недели и месяцы, дам совет из двух слов: не откладывайте. Если вам 50, и вы собирались задуматься о смерти в 55 лет, не откладывайте эту задачу. И если вам 30 лет, а

вы хотели задаться вопросами смерти лет через двадцать, – тоже. Но если смертельно больной человек вынужден жить по ускоренному расписанию, то у здорового нет никаких стимулов хотя бы на минуту опередить график, даже если он составлен с опозданием. В этом наш недостаток, пожалуй, бич. *Не откладывайте.* Мой близкий друг, приглашенный на Renaissance Weekend – развлекательное мероприятие специально для самых видных политиков, людей искусства, ученых, промышленников, нобелевских лауреатов и так далее, – рассказывал, что в конце выходных нескольких приглашенных просят произнести перед собравшимися краткую речь. Оратору дают три минуты и ставят одно условие: он должен говорить так, словно сразу после окончания речи умрет. Мой друг уверял, что все речи до единой были захватывающими, а главное – неожиданными. Несомненно, мужчины и женщины, которым выпала честь произносить их, тщательно обдумывали каждое слово, но зачастую самым важным, достойным последней речи оказывалось совсем не то, чего ждут от сенатора, физика с мировым именем, крупного финансиста.

Не откладывайте.

Не хочу сказать, что пример надо брать с меня. Мне предстояла уйма работы. Я совершил множество ошибок. Стремясь сохранять ясность ума, я уже через минуту понимал, что мои мысли блуждают где-то далеко в будущем или в прошлом. Я сердился. Часто плакал. Порой в меня словно бес вселялся. Выполнить задуманное удавалось далеко не с первого раза. Но я ни разу не пожалел о том, что взял под контроль свою жизнь, оставшиеся драгоценные дюймы жизненного пути в последний раз, пока еще мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.